

# ВАЛЕРИАН

**З**анесло нас под Рождество снегом в монастырь. Просто захотелось вдруг вырваться из столичного узилища на волю, даже не знаю, почему именно в монастырь. В то время мы были не православными, а всего лишь атеистами, утратившими стойкость веры в материю.

В монастырской гостинице, переполненной паломниками, нам места не нашлось, и знакомый батюшка пристроил нас в деревенской избе по соседству с обителью.

— Располагайтесь, а я пришлю к вам нашего трудника Валериана на подмогу. Он дров принесет, печь протопит, — пообещал на прощание батюшка, — увидимся завтра на ранней. А еще лучше, если проснетесь, приходите на братскую, часам к двум.

— Ночи? — изумился муж.

— Почему же ночи, — мягко поправил батюшка, — утра. Все в мире относительно, и время тоже, — и видя наши страдальческие лица, добавил: — Ну, хорошо, выспитесь как следует и приходите к четверем.

— Спасибо, батюшка, — с поспешностью поблагодарили мы монаха и, как только за ним закрылась дверь, переглянувшись, прыснули.

— «Выспитесь как следует»! Умора. В том смысле, что нас тут уморят, — мрачно усмехнулась дочка и, вынув из сумки плеер, привычно залепила уши таблетками динамиков.

Вскоре появился Валериан. Это был настоящий мужчина. Не в смысле высокий скандинав с голубыми глазами, а низкорослый, кряжистый мужичок лет пятидесяти с огромной черной с проседью бородой, подстриженной аккуратной лопатой, как у дворника Пиросмани, и совершенно лысым черепом. На его четком, грубой лепки лице особенно выделялись глаза — маленькие, блеклые и одновременно пронзительные. Словно в тебя одним махом втыкались два штопора и буравили, буравили до печенок. Во всем его облике было что-то старорежимное и даже староверческое, возвращавшее в те времена, когда мужчина был хозяин и господин над домом, женой и скотом. Мог и плетью угостить, и кусочком сахара не только лошадь или собаку, но и жену. Мы с дочкой, почуяв это на каком-то генетическом, подкорковом уровне, мгновенно вспомнили свое место и, не стовариваясь, притихли, стоило труднику появиться на пороге. Работал Валериан молча и чинно, а когда все поручения выполнил, то попрощался с нами, надел картуз и замер у порога спокойный, но непреклонный, как рок в древнегреческой трагедии. Я так сробела, что не сразу догадалась, чего он, собственно, дожидается. А выжидал он денежку. Несколько смущаясь, правильно ли я поняла его каменное стояние, я протянула ему десять рублей. Он совершенно без всякой суетливости взял купюру и деловито опустил ее в недра бездонных карманов.

— Спасибо, — просто сказал он, — мне как раз трусы надо купить, — чем смутил меня окончательно, и неспешно с достоинством удалился.

Братскую мы, конечно, проспали, чуть не опоздав на самую литургию.

Атмосфера в храме была по нашим, городским понятиям, необыкновенная. Мужчины чинно стояли по правую сторону, женщины — по левую. Все с застегнутыми наглухо воротами рубах.

Никто из богомольцев, входя в храм, друг с другом не раскланивался, языками друг за дружку не цеплялся, и все смиренно стояли даже в тех местах службы, где немощным разрешается присесть. Потеряв всякую надежду выстоять, я почти сразу опустила на колени в самом дальнем углу храма и все свое внимание сосредоточила на том, чтобы не уснуть и не удариться головой об пол. Хотела, чтобы развеяться, подпеть про себя хору, но напев был непривычный, протяжный и бесконечный, как ветер за толстыми стенами обители, который с заунывным воем все сеял и сеял по бескрайним полям белоснежную пшеницу. Сначала монастырский напев раздражал меня своей монотонностью, но очень скоро я погрузилась в него с головой и повлеклась в общем потоке славословий. Очевидно, я все-таки задремала, так как мне привиделась огромная снежная пустыня, по которой, словно караван верблюдов, медленно и бесконечно брел куда-то черный клин рясофорных монахов с высокими клобуками на головах. Мантии развевались на ветру, делая их похожими на больших встревоженных черных птиц. Из забытья меня вывел муж, с облегчением плюхнувшийся рядом со мной на скамью. На их с дочкой счастье, когда стоять уже не было сил, в храм приковыляла какая-то калека и устроилась неподалеку от нас на собственном раскладном стульчике. Почин был сделан, и мои домашние, получив моральное оправдание своего малодушия, рухнули на лавочку вслед за ней.

Трудник Валериан стоял в храме прямо перед нами и даже со спины было видно, что он злился на излишне вертлявую тетку по соседству, которая к тому же еще опасно приблизилась к мужской половине, и он всякий раз тихо, но гневно шипел, когда та поворачивала голову в его сторону. Наконец, не выдержав этой психологической атаки, суматошная богомолка отошла подальше.

Потом я узнала от одной местной прихожанки, что наш помощник был родом из Мордовии, своих родных не помнил или не хотел помнить и уже третий год жил при монастыре, подвизаясь на скотном дворе чистить навоз и на других самых грязных послушаниях. И что все его имущество было надето на нем, то есть старые черные штаны, заправленные в сапоги, застиранная серая рубашка и кургузый коричневый пиджак, потертые

рукава которого едва доходили ему до широких худых запястий.

Мы уезжали через два дня и, прощаясь, батюшка спросил, не можем ли мы чем-нибудь подсобить Валериану, если того настоятель отпустит в Москву и даст денег на дорогу, так как у бедняги огромная нутряная грыжа, которую он заработал на разгрузке бревен, и помочь ему могут только в Москве. Может, нам его удастся показать врачу или хотя бы пристроить в какую-нибудь больницу?

— Попробуем, — без особого энтузиазма отозвались мы, и деликатный батюшка тут же добавил, что просил так, на всякий случай. В обители денег не хватает даже на обыкновенные лекарства, не то что посылать лечиться человека в Москву, да еще простого трудника. К которому, кстати, сам настоятель не благоволит — больно строптив.

Вернувшись в Москву, мы сразу забыли о Валериане, с головой погрузившись в обыденную столичную круговерть. Через месяц, однако, нам позвонил батюшка и напомнил про трудника, которого настоятель благословил все-таки ехать в столицу. Договорились, что когда тот доберется до Москвы, он нам позвонит, и мы постараемся что-нибудь придумать. Однако прошла неделя-другая, а Валериан не объявлялся, и мы забыли о нем во второй раз. Звонок батюшки, который беспокоился, как там его подопечный, уже целых десять дней как уехавший из обители, застал нас врасплох.

Трудник Валериан пропал, потерялся в утробе огромного города. Искать его было совершенно бесполезно, оставалось только ждать. И точно, еще через пару дней раздался звонок. Нашедшийся трудник просил передать в обитель, что он устроился в больницу и пробудет там еще пару недель. Я вызвалась его навестить, но когда узнала, что он лежит в роскошной клинике республиканского значения, пропихнуть в которую иногороднего даже в прежние времена стоило огромного труда и больших связей, а в нынешние — не менее больших денег, то донельзя удивилась. На следующий день, собрав всякую всячину, которая могла пригодиться Валериану в больнице, я отправилась по указанному адресу, предположив, что тот просто что-то напутал и рядом с ведомственной стоит обыкновенная городская больница, куда неотложка свозит кого попало, в том числе и замерзших на улице

бомжей, на которых Валериан в своем кургузом пиджаке весьма походил.

Но трудник не ошибался. Идя по коридору, застеленному чистыми коврами и радуясь еще советским, кисейным занавескам на окнах, я гадала, как же мог в это роскошество попасть обыкновенный человек с улицы?

Валериана я увидела издалека. Среди вальяжной публики мужского рода в дорогих спортивных костюмах и замшевых тапочках, этаких прогуливающихся вразвалочку домашних гусей, он выглядел грозным, но сильно потрепанным орлом. Гордо нахохлившись, с независимым видом и прямой, как палка, спиной сидел он в коридоре на самом кончике кожаного кресла. Его разномастные брюки и пиджак были странно жеванными, а босые ноги деликатно поджаты под ножки кресла. Встретив мой удивленный взгляд, он просто объяснил: «Вещи я постирал с мылом в раковине, но поглядить-то негде, а в сапогах медсестры ходить не разрешают».

— Валериан, а как вам удалось попасть в такую прекрасную больницу? — сгорая от любопытства, спросила я.

Придирчиво осмотрев содержимое принесенного мною пакета и, очевидно, оставшись им довольным, Валериан снисходительно пояснил:

— В поезде мне плацкарта в проходе досталась, да еще сосед храпучий, не больно-то уснешь. Ну, я правило сначала молитвенное про себя читал, потом псалтырь, а потом до того умаялся, что кроме «Богородице Дево, радуйся», в голову не шло. Так с Богородичной молитвой всю ночь и скоротал, — совершенно буднично начал рассказывать он. — А как приехали, я прямо на вокзале спросил, где тут в Москве самые большие врачебные начальники. Мне сказали, что в министерстве, которое здоровье охраняет, и дали адрес. Я поехал. Меня на входе спрашивают, куда иду. Я отвечаю, что к большому начальству, которое по больницам распределяет. Те говорят, что точно сегодня как раз зам. министра принимает население, такое, мол, один раз в месяц бывает, записывают с моего паспорта данные и беспрепятственно пропускают. Захожу я в приемную, девушка меня спрашивает фамилию. «Вас, — говорит, — в списке нет, но может быть, кто-то что-то перепутал, пойду, мол, уточню у старшей,

не знаю, как вас могли пропустить, прием ведь только в двенадцать начинается». Взяла она какие-то листочки, шмыгнула сначала в одну дверь, потом в другую и куда-то сгнула. Я постоял-постоял и заглянул в ближайшую дверь. Там прямо зала какая-то, и далеко-далеко мужчина представительный по телефону разговаривал, а телефон чудной, без циферблата. Он трубку положил, на меня голову вскинул:

— Вы как здесь оказались? Кто пустил?

— Я, — говорю, — трудник монастырский, приехал в больницу, а то у меня внутри что-то очень сильно болит, а что, никто не знает.

— Кто вас прислал? — прикрикивает тот, а глаза злющие.

— Известно, кто, — отвечаю, — Царица Небесная, — и осеню себя крестным знамением. Тот глаза-то вытаращил, замер, а потом усмехнулся, спросил мою фамилию, взял лист бумаги, черкнул на нем что-то.

— Предъяви, — говорит, — этот листок по указанному адресу. — Я так и сделал.

— И все? — изумляюсь я.

— А что еще-то? Мало тебе, что ли, такой ходатаицы?

## ПАЛОМНИЦА

**П**ервый раз я увидела ее среди паломников в Вифлееме, на площади перед храмом. Мы фотографировались с дочкой на фоне древней стенной росписи. Очень старая женщина, довольно грузная, в ярком не по возрасту сарафане с рюшами. Жидкие букольки седых волос выбивались из-под кокетливой панамки, но больше всего в глаза бросались неровно покрашенные губы, когда помада попадает в бороздки морщин и делает похожей обладательницу этого макияжа на дрессированную мартышку. Карикатурная старушенция тихо подошла и замерла поодаль, зачарованно следя за перемещением фотоаппарата в пространстве. Я случайно обернулась и встретилась с ней взглядом. Это был взгляд преданной собаки. Она смотрела

на мои руки, держащие фотоаппарат, как голодный бездомный пес смотрит на бутерброд с колбасой в руках случайного прохожего. Вожделенно и безнадежно. Не понять этот взгляд было невозможно, остаться к нему равнодушной — немислимо.

— Вы хотите сфотографироваться?

— Я ничего не слышу, — с готовностью двинулась она к нам и преданно улыбнулась, обнажив единственный кривой желтый зуб.

— Сфотографировать вас? — гаркнула я ей в самой ухо.

— Дорогая моя, неужели это возможно! — радостно вскрикнула она. — Я так мечтала, чтобы у меня была память о нашем паломничестве.

— Ну и персонаж, — проворчала я и знаками показала ей, куда надо встать. — Как вас зовут? — прокричала я старому чучелу в другое ухо.

— Маргарита Севастьяновна, — ответила та.

И тут я услышала отчетливое, хотя и негромкое клацанье защелкивающегося капкана.

— Да мы полные тезки, — изумилась я и поняла, что это фатальное совпадение проламывает в моей размеренной жизни неожиданную брешь, в которую уже торопливо протискивается еще десять минут назад совершенно чужая мне старуха, убогая и комичная одновременно. Маргарита Севастьяновна просияла однозубой улыбкой и засеменила следом за нами, старательно вытягивая шею, чтобы поймать мой взгляд. Я думаю, она с удовольствием бы уцепилась за мою руку или подол моей юбки, если бы не боялась рассердить меня. Каждый раз, поворачивая голову, я натыкалась на ее преданный взгляд и жалкую улыбку.

— А где мы находимся, деточка?

— Как? — моему удивлению не было границ. — Вы не знаете, что мы в Вифлееме?

— Я ведь глухая, — виновато развела руками непутевая паломница.

Так Маргарита Севастьяновна прочно села нам на хвост. Она взгромоздилась позади нас на сиденье в автобусе и уже не отступала от меня ни на шаг. Время от времени я, ловя недоуменные взгляды соседей, орала ей на ухо краткую выжимку из рассказов

экскурсовода. Мы приближались к Фавору. Здесь нас подстерегала неприятность. Автобус остановился посредине горы, и дальше надо было пересаживаться в такси, естественно, платное, по 8 долларов с человека. Такие деньги нашлись не у всех. Маргариту Севастьяновну, однако, все эти тревоги не коснулись, ведь она ничего не слышала и просто пересела следом за мной и дочкой в машину, радостно вертя головой по сторонам.

Другая нестыковка произошла у Копернаума. Сухой паек, который нам выдали на корабле, оказался совершенно несъедобным, поэтому некоторые недовольные паломники уговорили водителя остановиться у знаменитой харчевни на берегу Галилейского озера, чтобы отведать рыбку Петра. Другим же — немущим — богомольцам ничего не оставалось, как коротать время в автобусе или нагуливать тщетный аппетит, прохаживаясь вдоль берега. И опять все эти тревоги миновали нашу глухую попутчицу. Сидя рядом со мной в харчевне, она уплетала за обе щеки жареную рыбу и, разломив надвое лепешку, стесняясь своего аппетита, громким шепотом спросила у меня разрешения сделать из оставшейся еды бутерброд в дорогу.

— Я же ничего не слышу и не всегда могу поспеть на обед, — в который раз с виноватой готовностью улыбнулась она.

— А часов у вас, что, нет? — ворчливо осведомилась я.

— Нет, деточка, давно нет!

— Как же вас дети без часов отпустили? — раздраженно спросила я, думая, как вообще могли дети отпустить восьмидесятилетнюю, совершенно глухую мать одну в такое далекое паломничество, через шесть стран и три континента.

— Дети? — недоуменно переспросила она, и вдруг ее глаза наполнились слезами.

— У вас дети есть? — спросила я, с одной стороны, жалея, что затеяла этот разговор, а с другой — стремясь раз и навсегда внести ясность в этот болезненный вопрос.

— Есть, есть, — испуганно заверила меня Маргарита Севастьяновна и торопливо утерла слезы салфеткой.

«Какие бы ни были ее дети, они все-таки собрали ей денег на поездку, — подумала я, подсаживая старушенцию в автобус, — сумма-то немаленькая».



Икарус легко катил по гладкой дороге, и все начали потихоньку клевать носом. Все. Но не Маргарита Севастьяновна. Радость жизни настолько переполняла ее, что она не могла усидеть на месте и все время вертелась на сиденье, то и дело восхищенно восклицая: «Ах! Вы видели, у дороги расцвели кактусы? Какое чудо! А там дальше, посмотрите! Эта роща! Гранатовая роща! Вот уж не думала, что гранаты так растут! Ах!» На коротких привалах, когда все выходили размять ноги или поискать туалет, она собирала по краям обочин цветочки и, обмотав стебли травинкой, одаривала этими трогательными букетиками меня, водителя и переводчицу. Ни одна мелочь не ускользала от ее широко раскрытых, восторженных глаз. Маргариту Севастьяновну радовало любое дуновение жизни. Чувствуя ее беспокойное присутствие за спиной, я автоматически кивала на все эти восторги и гадала, какие еще преткновения преодолела глухая паломница. Пойдите, а как же она смогла забраться на Синай? Туда последние несколько сотен метров надо было ползти по крутым каменным ступеням по краю пропасти, а до этого пять часов брести по горному серпантину, утопая по щиколотку в удушливой пыли.

— Вы были с нами на Синае?

— Была, моя деточка, была. Какое счастье! — обрадовалась моему вопросу Маргарита Севастьяновна. — Я, правда, почти сразу споткнулась и упала, поранила себе ногу.

Она отгибает край юбки, и я вижу глубокую, уже порядком воспалившуюся рану, коряво замалеванную зеленкой.

— И на локте такая же, — с безмятежной улыбкой продолжает Маргарита Севастьяновна. — Упала и думала, что все себе переломала. Но меня две добрые девушки подняли и дотащили под руки до самой вершины. Дай им Бог здоровья. Они меня прямо в церковь втиснули. Только вот я зуб выбила о камень, когда упала. Верхний. Теперь у меня всего один остался, — без особого сожаления заканчивает рассказ моя тезка.

Неожиданно я припоминаю, что, действительно, в потемках и сутолоке подъема видела, как две молодые стройные девушки, чем-то неуловимо похожие друг на друга, волокли какую-то стонущую и упирающуюся тушку наверх. Часовня, кстати, где служили ночную литургию, была совсем крошечной, поэтому там могли

уместиться только священники, а вся паства, кроме раненой старушки, слушала службу на пробирающем до костей холоде высокогорья под открытым, ясным и студеным небом Африки, усеянным непривычно огромными для глаза северян звездами.

«Да, с этим персонажем у меня еще будет много хлопот», — подумала я, выслушав ее. И как в воду глядела. Стоило нам подъехать к купальне для омовения в священных водах Иордана, выяснилось, что у нее, единственной из группы, нет рубашки, а ведь нам твердили раз сто, даже по корабельному радио объявляли, чтобы мы не забыли их захватить. И лишь глухая Маргарита Севастьяновна осталась в девственном неведении по поводу программы нашей поездки.

— Да это ничего, это пустяки, — утешала меня моя тетка, — я и так окунусь, прямо в одежде. Ничего страшного.

Я стояла возле нее в раздевалке и, не зная, что предпринять, злилась. Отдать ей свою рубашку было жалко. Позволить старой женщине залезть в воду в одежде, а потом мокрой ехать дальше я не могла. Оставалось только выйти из раздевалки и искать где-нибудь киоск с рубашками. Но сколько на это уйдет времени? А на все омовение нам дали только двадцать минут, мы уже опаздывали на корабль.

— Слушайте, я маю лишнюю. Я сэбэ узяла, а зараз тай одну купляла. Гарну, — откликнулась на нашу нужду крупная красивая украинка. Теплоход отправлялся из Одессы, поэтому среди паломников было много хохлушек.

— Может вам заплатить? — обрадовалась я спасительной рубашке.

— Да нехай так носит, — великодушно махнула рукой та.

Самое забавное, что все эти нестроения остались Маргаритой Севастьяновной совершенно незамеченными, так же как и их благополучное разрешение.

— Вот так и случаются тайные благодеяния поневоле, — хмыкнула моя Лера.

Автобус тем временем уже въезжал в порт. Вот и наш красавец пароход «Анна Каренина». Веселенькое название в честь самоубийцы, как раз подходящее для продолжительного морского круиза. Хорошо хоть не «Му-му». Капитан приветливо

машет рукой. Паломников много, человек шестьсот. Публика очень разношерстная. Много монахов и батюшек с духовными чадами. Но есть такие, что достали себе дешевые благотворительные билеты в надежде сделать «кожаный» бизнес в Турции и Египте. Именно эти «богомолки» и достались невезучей Маргарите Севастьяновне в соседки. За столом, когда все вставляли на молитву перед трапезой, они в знак протеста оставались сидеть, а одна даже издевательски напевала вполголоса «Интернационал». В знак протеста.

На следующий день в коридоре у каюты меня с утра уже поджидала моя старушенция. Маргарита Севастьяновна стыдливо и счастливо улыбалась. Ее умиленно-жалкое выражение лица раздражало и обезоруживало одновременно. Меня коробило, что она красит, вернее, малюет губы. Мне хотелось сказать ей, что это уже давно не по возрасту, но я стеснялась кричать нотации на все палубу. Она, замешкавшись, долго шарила на дне своей кошелки и, наконец, подала мне доллар.

— Деточка, прошу тебя, помоги мне выбрать какой-нибудь сувенир на память о поездке.

Что-то в этом мятом долларе, который, очевидно, не раз уже вынимался ею и рассматривался, кажется мне подозрительным и я спрашиваю:

— Это ваши последние деньги?

— Не последние, единственные, — уточняет та и продолжает безмятежно улыбаться. — Денег на поездку было впритык, так что сверху оказался только этот доллар.

— Но как же вы ночевали в гостинице в Одессе? Даже восьмиместный номер стоил там три доллара? — в очередной раз изумляюсь я.

— Все вышли из поезда и куда-то пошли, — сбивчиво начинает оправдываться моя тезка. — А несколько человек остались на перроне и стали о чем-то спорить с мужчиной, который нас встречал. Так как я не могу быстро ходить, то я сразу отстала от тех первых, что куда-то пошли, и вернулась к тем, кто остался. Они спорили-спорили, а потом спустились с перрона и тут же оказались у храма. Там при храме была комнатка с постелями и бельем чистым. Вышла матушка, чаем нас напоила, и все легли

спать, а утром поднялись, отстояли литургию, причастились, пришел вчерашний человек и забрал нас на корабль.

— Слушай, наша старушенция какие-то небылицы мне рассказывала, будто в Одессе в храме ночевала, — поделилась я вечером с дочкой.

— Точно, мне тоже кто-то говорил, что у десяти человек не оказалось денег на ночлег в гостинице, и их пристроили в приют при привокзальном храме, который как раз на следующий день должен был открыться. Так что они оказались первыми постояльцами. Здорово, правда? У нас, помнишь, в гостинице даже воды не было, и пришлось взять за 30 долларов люкс.

Да-да, в честь его люксовского статуса горничные натаскали воды в ванну и заткнули ее какой-то грязной тряпкой, водрузив рядом черпачок. А им в приюте и умыться дали, и ужином накормили. Но как эта глухомань могла определить, с кем остаться? Чудеса!

В Москву мы возвращались разными поездами, но я записала адрес и телефон Маргариты Севастьяновны, чтобы передать ей фотографии. Она назвала престижный, высотный дом на Котельнической набережной и, диктуя телефон, испуганно добавила: «Только меня дочка может не позвать и вообще... — она сделала неопределенный жест рукой, — будьте с ней помягче, старикам пришло время смиряться перед молодыми». На глаза у Маргариты Севастьяновны снова навернулись слезы.

Неделю спустя, получив снимки, я набрала указанный номер. Трубку взяла какая-то женщина с таким хриплым, невнятным голосом, что я невольно думала, не пьяна ли она.

— А на фига вам эту дуру? — развязно поинтересовались в трубке. — Фотографии из паломничества? Так она уезжала? А мы думали, куда подевалась эта рухлядь! Ничего она себя чувствует. Ползает теперь тут еле-еле, как травленный таракан. Ха-ха-ха. Мы, значит, тут сидим, а она разъезжает. Что с ней разговаривать? Она ж все равно ни черта не слышит! Вы по адресу пошлите, если надо.

Без всякой надежды на понимание я растерянно кладу трубку на рычаг. Вот так номер! Ничего себе дочурка! Теперь уж надо повидать мою старушенцию во что бы то ни стало! «Лелейте своих

детей, и они устрашат вас», — любила приговаривать в таких случаях моя покойная бабушка.

На следующее утро я отправилась в Котельники. Дом роскошный, старинный, с кодовым замком и консьержкой. Мне пришлось довольно долго топтаться у дверей в ожидании случайных жильцов, чтобы проникнуть в просторный, с мраморными колоннами подъезд. Консьержка скользнула по мне незаинтересованным взглядом и спокойно пропустила, удовлетворенная дорогим «прикидом» гости. Вот и нужный этаж. Что же делать дальше? Если кто-то дома, то из вредности могут и не открыть, а если Маргарита Севастьяновна одна, то она не услышит звонок. На звонок, действительно, никто не ответил. Я робко подергала ручку, к счастью между косяком и дверью был большой зазор, и она вполне ощутимо заходила ходуном. Через какое-то время щелкнул замок, и передо мной предстала немного осунувшаяся, но живая Маргарита Севастьяновна.

— Золотко мое, — лепечет она со слезами на глазах, — какое счастье, что Господь дал увидеть тебя снова. Я так тосковала по тебе.

Она хватает мою руку и прижимает к своим морщинистым, теперь уже не накрашенным губам. Я стою, замерев от смущения. Не выпуская моей руки, Маргарита Севастьяновна заводит меня в квартиру. Жилище у моей тетки большое, но запущенное, со старой с побелевшей лакировкой мебелью, пыльными, потертыми коврами и тусклым хрусталем давно немых люстр.

— Ты извини, счастье мое, нечем тебя угостить. До пенсии еще три дня. А всю прежнюю я вложила в поездку.

— У вас, что, продуктов нет?

— Есть-есть. Я, уезжая, оставила десять картофелин. А в поезде мне попутчица с собой бутерброд с колбасой дала.

— Но это было неделю назад. А что, дочка вас не кормит?

— Что ты! Она себя-то прокормить не может. Работала младшим технологом в институте. Перестройка пришла, всех сократили. А где устроишься? Характер у нее! — моя тетка горестно вздыхает. — С мужем, уж не помню, когда развелась, а ребеночка прижила больного. Шестнадцать лет внучке, а она еще пятый класс не закончила. Теперь вот даже из дома не выходит. Сидит, запершись, в своей комнате.

— А дочка где? — по инерции выкрикиваю я расспросы.

— Не знаю. Бутылки наверно пошла собирать. Они ведь со мной не разговаривают. Сами прячутся и еду прячут.

В подтверждении своих диких откровений она ведет меня на кухню. На столе лежит нарезной батон в наглухо завязанном целлофановом пакете с самодельной картонной биркой, на которой угрожающими красными чернилами выверены жирные буквы: «Не брать!». На подоконнике я замечаю еще один целлофановый пакет с луком. На нем такая же предупреждающая бирка: «Восемь штук! Не брать». Мне становится не по себе, я чувствую, что начинаю задыхаться в этом сумрачном, пыльном склепе семейного раздора.

— Но почему вы не продадите что-нибудь, если так нуждаетесь? Хрусталь, например, или ковры со стен?

— Что ты, — испуганно машет руками Маргарита Севастьяновна, — на все это мой муж сделал опись и отнес в милицию. Сказал, если что пропадет, будет меня судить или вообще убьет. Он может, он же генерал госбезопасности в отставке. Это они в него пошли такие жадные и на голову больные. Он, когда женился, не сказал мне, что болен. А потом, у него припадки начались, так и выяснилось, но у нас уже дочка росла, куда денешься. К тому же тогда муж на хорошую работу меня устроил, в отдел продуктового снабжения Моссовета. Он ведь большим начальником в городе был.

— Так у вас и муж есть? — с некоторым опозданием изумилась я, так как просто дар речи от удивления потеряла.

— Не муж он, а мучитель! Я так его боюсь! Слава Богу, он сейчас в больнице!

Нет. Что-то тут не состыковывается! Я просто не могу поверить в полную безысходность и безвыходность жизни этой старой, глухой женщины и примирительно говорю:

— Ну, каким бы плохим ни был ваш муж, он все-таки дал вам денег на поездку, а ведь даже самая льготная путевка стоит около 500 долларов.

— Денег на поездку? — в свою очередь изумляется Маргарита Севастьяновна. — Что ты, золотко мое! Я об этом паломничестве узнала в нашем храме еще четыре года назад. И так мне захоте-

лось побывать там, где Господь наш родился и жил, что я все дни и ночи только и мечтала об этом. Но как собрать деньги? С пенсии не выкроишь.

Устроилась я к одному доброму армянину помощницей в кафе. Оно в нашем же доме со стороны улицы, вместо булочной открылось. Я там вечером с семи до одиннадцати обедаки сортировала, а потом кастрюли и сковороды чистила, туалеты мыла. В общем, все, что скажут. Никто меня не подгонял, так, потихонечку. Зарплату мне на руки хозяин не давал, сразу переводил в доллары. Так почти за два года скопилось 420 долларов. 50 он своих добавил. Подарил мне, добрая душа, дай Бог ему здоровья. А еще 30 добавили в храме из общих пожертвований и помогли саму путевку взять, на фирму церковного старосту со мной посылали.

Жалкая, старая женщина сидела на старом, потертом диване. Над ее слегка трясущейся головой с розовой плешью на темечке и жидкими букольками седых волос по краям, из-под которых торчали оттопыренные, в красных прожилках уши, висела громадных размеров модная в шестидесятых годах чеканка. Сквозь толстый слой чешуйчатой пыли, словно из пепла, проступали гордые черты юной грузинки в обнимку с кувшином. За чеканкой в разные стороны веером расходились: приштиленная гигантской проржавевшей кнопкой старая фотография дисциплинированно выстроившихся тремя рядами улыбающихся курортников, внизу которой, неровными, игривыми буквами было выведено полукружьем: «Санаторий завода имени Победы рабочих, г. Ялта 1955 год». Дальше глаз резала лубочная, вся раскрашенная яркими, неестественными цветами бумажная икона Спасителя, стоящего на облаке. За облако, словно за парашют, уцепился и повис на тонком шнурочке скроенный из кусочков меха олимпийский мишка, сильно напоминающий Чебурашку. Казалось, время увязло и задохлось в этой тинной заводи старости. Неожиданно сквозь щель выцветших занавесок к нам с разбегу ворвался стремительный солнечный луч, одним махом отрезал от безжизненно-серого воздуха комнаты золотистый ломоть вертявых пылинок и уткнулся живым пульсирующим зайчиком в подол застиранного платья Маргариты Севастьяновны, прямо в ее сложенные одна поверх другой старческие ладони. Глядя

на этот дерзкий, радостный луч, я вдруг вспомнила, как, поднимаясь со своей тезкой по долгому склону горы Искушения Господня, все удивлялась. Другие паломники тащились еле живые, обливаясь потом и ловя ртом обжигающий, 35-градусный воздух, а вокруг нас все время увивался прохладный ветерок, то приятно освежая лицо, то легонько подталкивая в спину. Это был наш персональный ветерок. Словно кто-то рядом с Маргаритой Севастьяновной бесшумно хлопал большими невидимыми крылами.